

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I	
НОВЫЕ ЛЮДИ	7
Часть II	
ГОРОД КОШЕК	139
Часть III	
КУРАТОР	299
Об авторе	310

«Принцесса была такая удивительная принцесса, что умела отгадывать все тайны. Она спросила у крошечной женщины: «Зачем ты ее прячешь здесь?» Тогда крошечная женщина поняла, что принцесса знает, почему она живет одна-одинешенька со своей прялкой, и стала на колени перед принцессой и просила не выдавать ее. Принцесса же отвечала: «Я никогда не выдам вас. Позвольте мне взглянуть на нее». Тогда крошечная женщина закрыла ставни, заперла дверь и, дрожа с головы до ног от страха, как бы кто не подглядел, открыла тайник и показала принцессе тень»^{*}.

Чарльз Диккенс, «Крошка Доррит»

«Скажу больше, все кошки принадлежат нечистому племени, хоть нередко бывают полезны. Кто не замечал гримасу Сатаны на их лукавых мордах?»

Чарльз Портис, «Железная хватка»

^{*} Перевод М. Энгельгардта (здесь и далее примечания переводчика).

ЧАСТЬ I

НОВЫЕ ЛЮДИ

А МОЖЕТ, И ПОБОЛЕЕ ИНЫХ

Город, прозванный поэтами и городскими активистами Прекраснейшим по его реке, полноводной Фейр*, торчал на теле страны, как заусенец у ногтя. По преданию, город был основан каменотесом, выстроившим замок и оставившим его пустым в качестве приношения Богу, за что мастер получил в награду вечную молодость, однако несколько веков спустя в замок тайком проникли нищие попрошайки, и их внезапное появление так шокировало хозяина, что он пал замертво. Ближе к правде лежала версия, что первые поселения в этих краях основали мореплаватели-скандинавы. В новейшую эпоху город прославился резиденцией статных монархов с хмурым челом, своим конгрессом и судами, своей деловой хваткой, закалкой, связями и доходами, разнообразием своей наемной армии, насчитывавшей, по слухам, «двенадцать языков»; рекой Фейр, бравшей начало в горах, делившей метрополис на западную и восточную части и сбрасывавшей свои пресные воды в океан; крутыми скалистыми берегами полуострова, сглаживавшимися по мере приближения к морю параллельно Фейр; суетой и торговлей своего порта; двумя консольными мостами; достижением прогресса в виде разветвленной сети электротрамваев; огромным городским парком Королевские Поля и расположенным в нем Королевским прудом, где

* Прекрасная (англ.).

праздные гребцы рассекали водную гладь на лодках с носовыми фигурами в виде монархов с хмурым челом — от Мейкона I до Зака XXI; конкуренцией между роскошными отелями, соперничавшими, чей кот-талисман красивее; своими культурными объектами — театрами, музеями и Плавучим моргом; тремя каменными монолитами на равнине у начала Великого Тракта в нескольких милях от городской черты, куда по традиции новобрачные со всего света съезжались с молотками и кирками отбить на память каменной крошки в знак нерушимости принятых обетов; иронией названия своей единственной вонючей и грязной «водной артерии»; пожарами на своей фабрике; пожарами в ее окрестностях; многолюдными нижними кварталами Лиса*; плодовитыми бедняками, населявшими Лис и скармливавшими поколения за поколениями эпидемиям и армии; пережитками язычества; тайными обществами; терпкостью тузлука, которым приправляли здешних устриц; деятельными шайками несовершеннолетних преступников, наводнявших улицы; отвагой и силой своих мужчин; мудростью и выдержкой своих женщин и, как все крупные города — а может, и поболее иных, — своей принципиальной некартографируемостью.

НОВЫЕ ЛЮДИ

До переворота она вкалывала прислугой в Национальном университете, но теперь изловчилась получить должность в Обществе психейных исследований. В городе остро требовались новые люди — а когда было иначе? — на места, ранее занимаемые представителями свергнутого режима и их подпевалами. Это относилось

* Подонки, отбросы (англ.).

не только к правительству и военным, но частым гребнем прошло по повседневности, где всё — от школ и магазинов до газовых станций и театров — испокон веков управлялось знатью. Порог Общества психейных исследований Ди переступала всего однажды, еще девочкой, но в памяти остался большой зал, где она ждала, пока слуга приведет ее старшего брата, неопита Общества. Пол был устлан огромным красно-золотым ковром, достаточно толстым, на детский взгляд, чтобы закопать в его ворсе мраморный шарик. Книги плотно заполняли высокие стеллажи, целиком закрывавшие стены. За письменным столом дама в широкополой голубой шляпе, склонившись над открытым грессбухом, чертила что-то по линейке, сверяясь с компасом. Изящная маленькая эстрада служила выставкой принадлежностей фокусника, с потолка свисал мобиль галактики, с солнцем размером с крокетный шар, и одиннадцатью планетами приблизительно с бильярдные шары, а в кожаном кресле у камина, засунув под мышки ладони скрещенных рук, с блаженной улыбкой дремал джентльмен в твидовых бриджах.

В трудные годы, последовавшие за тем единственным визитом, Ди часто мысленно возвращалась к идее спокойствия и возможностей, воплощением которой казался этот просторный, причастный к культуре зал. Если столь идеальное место могло существовать в таком городе, может, существует и нечто большее — иная, скрытая сторона жизни?

Посещение Общества случилось в жизни Ди пятнадцать лет назад, когда бунт против сильных мира сего казался невыносимым и непредставимым, а вскоре ее брат Амброуз скончался после недолгой борьбы с холерой. Два события — визит в Общество и смерть Амброуза — слились для Ди воедино.

Она часто вспоминала последние слова брата. Проникнутые благоговейным трепетом, они слетели с запекшихся губ, прозвучав неожиданно четко:

— Да, я вижу тебя. Твое... лицо.

Чье лицо? Амброуз был сама скрытность — вечно уходил от ответа, а иногда говорил такое, что Ди не знала, принимать ли его всерьез. Однажды брат заявил, что существуют иные миры. Может, это и правда: Ди почти не сомневалась, что в свои последние мгновенья брат что-то видел — не галлюцинацию, а нечто реальное и поразительное. В его голосе слышалась убежденность.

Если существует жизнь после смерти, или будущая жизнь, или что угодно, Ди хотелось бы найти там своего брата.

Однако в реальной жизни эта надежда посещала ее лишь в мечтах, когда ее, бывало, посылали с поручениями на Лигейт-авеню и Ди замедляла шаг, проходя мимо уединенной улочки Малого Наследия, чтобы взглянуть на прекрасный кирпичный особняк, упрятанный в тень одинаковых тополей, где размещалось Общество психейных исследований.

Но наконец возможность представилась сама: революция буквально распахнула перед Ди красные двери Общества.

Δ

Ди спросила своего любовника, лейтенанта добровольной гражданской обороны Роберта Барнса, не мог бы он ей помочь, и Роберт ответил, что сделает все, чего ей хочется, но — «психейные исследования, Дора? Что это — клуб легкомысленных богатых дам, которым нравятся, когда им гладят ладони и организуют общение

с покойными знаменитостями? Судя по названию, так оно и есть».

— Лейтенант, — прервала его Ди, — кто может отдать такое распоряжение?

Δ

Они отправились в штаб-квартиру временного правительства, занявшую здание мирового суда на восточном берегу.

На площади они отыскивали адъютанта генерала Кроссли. Студенты, докеры и прочие радикалы стали катализаторами массовых волнений, но именно поддержка лидеров оппозиции со стороны Кроссли ускорила и довершила революцию: без вспомогательного гарнизона восставшие не смогли бы вынудить силы режима оставить город.

Упомянутый адъютант, сержант Ван Гур, восседал за маленьким письменным столом, поставив подбородок на кулак. Ван Гур носил запонки с крупными изумрудами и исподтишка старался направить отраженный луч жидко-зеленого света, выпускаемый одним из изумрудов, прямо в глаз разъяренному каменному тигру, установленному посреди крытой рыночной площади. Ди заподозрила, что эти запонки лишь недавно перешли в собственность сержанта.

Ее лейтенант объяснил, чего они хотят, и поручился, что она патриотка.

— Это правда? — улыбнулся ей Ван Гур. Ди кивнула, опустив глаза. — Прекрасно, вы меня убедили, — сказал он. — Можете приступать.

Но Роберт хотел чего-то более официального, чтобы устранить в будущем самую возможность малейшего недопонимания и проблем. Выудив из кармана листок,

он написал постановление о передаче в распоряжение Ди здания Общества и прилегающей территории, «дабы обеспечить сохранность общественного имущества вплоть до учреждения открыто избранного правительства и проведения оценки здания с целью его дальнейшего использования». Постановление Роберт зачитал адъютанту вслух.

Ван Гур засмеялся, сказал, что это исчерпывающе, и старательно вывел свои инициалы внизу листка.

Роберт и Ди пешком отправились на северо-восток города. Они шли так близко, что касались друг друга локтями при каждом шаге.

Δ

Брошенное пианино, разодранная скатерть, битые винные бутылки, резиновое дерево с клубком корней в расколоте вазоне, разбросанные книги и тысячи других вещей — обломки крушения свергнутого правительства и его сторонников, выпавшие из карет и экипажей, — загромождали Национальный бульвар. «Раз прислугу теперь повысили, придется каждому научиться убирать за собой», — подумала Ди.

Люди только-только начали появляться на улицах после боев, вытеснивших из города части королевской внутренней охраны. Горожане, мимо которых проходили Роберт и Ди, стояли с потрясенными лицами и озирались по сторонам, словно пытаясь сориентироваться среди разбросанного хлама.

— Уже все в порядке, — уверял ее лейтенант растерянных горожан, хотя его ни о чем не спрашивали. Люди моргали, нерешительно улыбались, приподнимали в ответ шляпы и словно бы приходили в себя.

— Вы уверены, сэр? — переспросила одна женщина, глядя на Роберта через поцарапанные стекла крошечных очков. Ее юбка была черной и пыльной. Нянька, решила Ди, или учительница.

— Да, — ответил Роберт.

— Они окружены?

— Они ушли, — сказал лейтенант, — и больше не вернуться.

Женщина в перепачканной юбке нахмурилась, но слова Роберта обрадовали других, стоявших рядом. Некоторые заплодировали и залихватски заухали.

— Ну, взяли, что ли, — сказал, приободрившись, какой-то мужчина, и люди как мухи облепили остов перевернутой повозки, чтобы отодвинуть помеху с трамвайных путей.

Краем глаза Ди видела, как ее лейтенант самодовольно улыбнулся. В профиль он и впрямь был военная косточка: вьющиеся черные волосы до верхнего края ушей и ложбинки на затылке, красивый прямой нос, мужественный выступавший подбородок. Ди нередко спохватывалась, как же сильно Роберт ей нравится. Когда он говорил, что все в порядке и так отныне и останется, ему хотелось верить.

На улицах для поддержания порядка расставили молодых людей с зелеными повязками волонтеров гражданской обороны. Роберт — бывший студент университета, как и многие волонтеры, — небрежно-ироничным жестом приветствовал знакомых воинским приветствием, и те в ответ тоже вскидывали руку к козырьку.

Маленький мальчик, обутый в где-то подобранные желтые женские лодочки, выбежал навстречу и отсалютовал лейтенанту. Роберт остановился, пригвоздил мальчишку к месту зорким суровым взглядом и четким дви-

жением отдал честь. Мальчишка кинулся прочь, пища от удовольствия.

Из-под опущенных жалюзи со второго этажа лейтенанта окликнули:

— Нет ли работы для голодного человека, командир?

Ее лейтенант прокричал спрашивавшему идти в штаб военного лагеря на территории мирового суда и найти сержанта, который подписал постановление Ди.

— Скажете, что вас направил лейтенант Барнс!

Голодного накормят и найдут ему занятие, ибо работы непечатый край.

— Спасибо за вашу помощь, сэр! Я вас не посрамлю! Я буду работать со всем усердием, куда меня поставят! — обрадованно кричал им вслед незнакомец. — Я как начну, за мной никто не угонится! Да улыбнется вам кошка, сэр! И вашей леди тоже!

Таких встреч случалось много, и каждый раз Роберт останавливался и говорил с людьми, давая совет, как получить еду, работу или иную помощь. Ди даже зауважала своего лейтенанта, глядя, как он не сторонится встречаемых, многие из которых явно нуждались, были одеты в лохмотья и грязны. Поглядывая на гордо расправленные плечи Роберта после каждой из этих консультаций, Ди подумала, что ее лейтенант тоже в восторге от самого себя.

Дойдя до границы правительственного округа, где за чередой посольств начинался тихий центр, Ди и Роберт свернули на Лигейт-авеню. Здесь признаки недавнего конфликта казались не так очевидны. У посольств еще висели флаги их государств, весело играя красками под ярким утренним солнцем, хотя послы и дипломаты выехали все. Необычно пустынная авеню вытянулась, будто исключительно для Роберта и Ди, во всю свою длину, до железного столба с указателем «Улица Малого Наследия».

СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К СВЕРЖЕНИЮ КОРОЛЕВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ЧАСТЬ I

Человек по имени Йовен, владелец знаменитой фарфоровой фабрики, обвинил министра финансов Вестховера в грубой мошеннической афере.

С фабрикой был заключен договор на производство двух с лишним сотен тарелок, блюд, ваз, пепельниц и прочего для кабинетов и столовых городского особняка министра Вестховера, его загородного дома и его же имения на Континенте. Согласно контракту, в роспись сервизов полагалось включить атрибуты вестховерского ремесла, поэтому на каждой тарелке министр финансов изображался в римской тоге и с весами в руках, на одной чаше которых лежала горка монет, а на другой — зерна пшеницы. Для каждой резиденции Вестховера сервизы были выполнены в своем цвете: для городского особняка — в красном, для загородного — в зеленом и в строгом черном — для континентального.

Все эти подробности стали достоянием общественности, когда Йовен, оскорбленная сторона, напечатал в газетах ядовитый памфлет «Человек, слово которого ничего не весит».

В памфлете содержался подробный отчет о том, как Вестховер принял доставленный товар и в одностороннем порядке изменил вознаграждение, предложив лишь малую часть от заранее согласованной суммы. Йовен отказался принять измененные условия и потребовал вернуть посуду. Министр финансов проигнорировал

его требования, оставив сервизы себе, и воспользовался своим влиянием, чтобы все суды Йовен со своими требованиями компенсации проиграл.

«Министр дружит с судьей, который рассматривал дело; более того, они соседи, что возмутительно и недопустимо при судебном разбирательстве».

В своем *cri de coeur** производитель фарфора не утаил, что изображение министра финансов на сервизах безбожно идеализировано: «Я даже изобразил Вестховера согласно его прихоти, потому что он пожелал так и никак иначе, хотя стройностью он не отличается».

В ответ министр финансов выпустил собственный памфлет, где заявлялось, что фабрика Йовена использовала некачественное сырье, в результате чего тарелки получились слишком тонкие, а фарфор — низкосортным. Кроме того, всем известно, что Вестховер просто широк в кости. «Прискорбно, что отдельные индивидуумы, отличающиеся низкой моралью и таким же происхождением, осмеливаются оскорблять тех, кто превосходит их во всех отношениях».

Засим министр подал иск за диффамацию и тут же отсудил денежную компенсацию.

Эта тяжба, начинавшая напоминать комедию, стала долгожданным развлечением для горожан, среди которых с некоторых пор росло глухое недовольство.

На южных окраинах, в бедных кварталах Лиса, холера свирепствовала сильнее обычного; приезжих строго предупреждали не пить воду и не пробовать здешнюю снедь. Перчатки свисали из-под дверных молотков на домах, которые посетила болезнь: целые улицы «натянули перчаточку». Забастовка портовых рабочих провалилась, зачинщиков уволили. В северных провинциях весенняя

* Крик души (фр.).